

UDK 327::911.3(100) ; 327.7/8(497.115) ; 930.1:141.7"20"

СЕРГЕЙ ИГОРЕВИЧ ЗМИХНОВСКИЙ

КОСОВО: КОНЕЦ ИСТОРИИ ИЛИ СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ?

Аннотация: Косовская трагедия рассматривается через призму современных западных цивилизационных концепций. Вскрывается их односторонность, тенденциозность, неспособность адекватно отражать реальные мировые процессы и прогнозировать их последствия. Поднимается проблема правомерности выстраивания геополитических стратегий на базе подобных теорий.

Ключевые слова: цивилизационная концепция, мировые процессы, геополитическая стратегия, столкновение цивилизаций, либеральная демократия, модернизация, вестернизация, межцивилизационный конфликт.

*„Мировая история есть история великих культур“
О. Шпенглер*

*„Человеческая история – это история цивилизаций“
С. Хантингтон*

В конце XX века спор о том, существует ли единая история человечества, с присущими ей всеобщими законами разгорелся с новой силой. Ф. Фукуямой и С. Хантингтоном были представлены новые версии как „универсалистской“, так и „цивилизационной“ парадигм. Без преувеличения можно сказать, что современный социально-политический дискурс протекает в интеллектуальном пространстве, заданном этими двумя крайними точками зрения.

Летом 1989 года в журнале „Национальный интерес“ была опубликована статья Ф. Фукуямы „Конец истории?“. Начиналась она с констатации на первый взгляд очевидного, по крайней мере, для самого автора, факта: „... за последние годы во всем мире возник небывалый консенсус на тему о легитимности либеральной демократии как системы правления, и этот консенсус усиливался по мере того, как терпели поражение соперничающие идеологии: наследственная монархия, фашизм и последним – коммунизм“ (Фукуяма 2005: 7). Понятно, что данное эмпирически не верифицируемое суждение является не более чем субъективным мнением, в основе которого лежат

совершенно определённые идеологические пристрастия. Но даже если закрыть на это глаза и допустить, что на рубеже 80-90 годов XX века дело обстояло именно так, как пишет американский философ, из этого ещё не следует, что либеральная демократия представляет собой „конечный пункт идеологической эволюции человечества“, „окончательную форму правления в человеческом обществе“, т.е. является „концом истории“ (Фукуяма 2005: 7). Действительно, все „более ранние“ формы правления имели неустранимые дефекты, которые и обусловили их крушение. Но почему именно либеральная демократия лишена существенных внутренних противоречий? Почему её „идеал“ нельзя улучшить? На этот вопрос небольшая статья ответа не давала, спровоцировав тем самым шквал комментариев и возражения.

Попытка их парировать и прояснить свою теоретическую позицию заставила американского философа зимой того же года, в том же журнале поместить заметку „Ответ моим критикам“. В ней Ф. Фукуяма ещё раз обращает внимание читателей на то, что в исходной статье речь идёт исключительно об „идее“ демократии, а не о тех или иных её конкретных воплощениях, которые по природе своей не могут быть совершенными. Даже такие стабильные демократии как США, Франция и Швейцария не лишены серьёзных социальных противоречий, за фасадом их внешнего благополучия нередко скрывается вопиющая несправедливость. Но эти проблемы свидетельствуют не об ущербности (порочности) самих принципов демократии – свободы и равенства, а о невозможности их полной, всестороннего осуществления в реальном мире.

Основой ещё большего недопонимания выступает разный смысл, вкладываемый в понятие „история“. Обыватель подразумевает под историей простую последовательность событий и с этой точки зрения она действительно „продолжается“ даже с наступлением царства либеральной демократии. Не исключено, что некоторые страны это царство так никогда и не построят, а другие, не выдержав испытания свободой, вернуться к более „примитивным“ формам правления. Но все эти предположения не отрицают саму идею Универсальной Истории. Вслед за великими немецкими мыслителями Кантом, Гегелем и Марксом (а точнее их интерпретатором А. Кожевным) Ф. Фукуяма понимает её как „единый, логически последовательный эволюционный процесс, рассматриваемый с учётом опыта всех времён и народов“ (Фукуяма 2005: 8). В силу того, что развитие человеческого общества не бесконечно, этот процесс не является случайным и закрытым для понимания. Всё в истории приобретает смысл лишь в отношении к её конечной цели – установлении той формы общественного устройства, которая удовлетворит самые глубокие, фундаментальные чаяния и потребности человека. Дело за малым, выяснить, что же это за потребности.

Экспликация рассмотренных выше идей привела к созданию концепции изложенной в знаменитой работе „Конец истории и последний человек“, увидевшей свет в 1992 году. В ней американский философ задаётся вопросом: „действительно ли в конце двадцатого столетия имеет смысл опять говорить о логически последовательной и направленной Истории, которая, в конечном счёте, приведёт большую часть человечества к либеральной демократии?“. Две совершенно разные причины заставляют его ответить положительно. Первая носит экономический характер, вторая связана с так называемой „борьбой за признание“.

Остановимся на первой. В 17 веке были выработаны основные правила научного метода – самого эффективного и надёжного инструмента покорения природы. Развитие науки обеспечивало значительные военные преимущества и создавало условия для экономического роста для тех стран, в которых оно происходило. Открывая возможности неограниченного удовлетворения растущих потребностей человека, наукоёмкая экономика ведёт к гомогенизации всех обществ вне зависимости от их цивилизационной принадлежности. „Все страны, подвергшиеся экономической модернизации, – пишет Ф. Фукуяма – должны весьма походить друг на друга...“ (Фукуяма 2005: 13). Такова „логика современной науки“, лежащая в основе экономической интерпретации исторических изменений. Но её раскрытия ещё недостаточно для объяснения феномена демократии. Связь между передовой экономикой и политической свободой намного более сложная и не столь прямолинейная как может показаться на первый взгляд.

Поскольку человек не просто экономическое животное, необходимо найти такую трактовку исторического процесса, где бы учитывался человек в целом. Здесь на помощь Ф. Фукуяме приходит Гегель с его „борьбой за признание“ в качестве основополагающего фактора эволюции общества. Согласно немецкому философу, в отличие от животных, человек желает, чтобы его признавали человеком, т.е. существом, имеющим определённое достоинство. Ради этого он готов рискнуть даже жизнью, то есть преодолеть в угоду такому абстрактному принципу как престиж самые глубокие животные инстинкты, прежде всего инстинкт самосохранения. Жажда признания, таким образом, важнейший мотив политической жизни. Наиболее полно она удовлетворяется только в рамках либеральной демократии, где неравное признание хозяев и рабов заменяется признанием взаимным и универсальным. За каждой личностью всеми остальными людьми признаётся человеческое достоинство. Никакое другое социально-политическое устройство не может этого обеспечить. Поэтому либеральная демократия – конец человеческой истории, если рассматривать последнюю в чисто логическом плане. Другой альтернативы нет и быть не может.

Стремление к признанию в религиозной или этно-национальной сферах менее рационально и полно, чем универсальное признание, даруемое либеральной демократией, так как исходит из произвольных, частных различий между теми или иными социокультурными общностями. По мнению Ф. Фукуямы: „...религия, национализм и комплекс этических привычек и обычаев (более общее название – „культура“) традиционно считались препятствием на пути установления политических институтов демократии и экономики свободного рынка“ (Фукуяма 2005: 19). Но это не должно служить поводом для беспокойства, поскольку: „Современная Европа быстро несётся к избавлению от суверенности и наслаждению своей национальной идентичностью при мягком свете частной жизни“ (Фукуяма 2005: 410).

Международная политика также должна анализироваться через призму борьбы за признание. Без сомнения, национализм как одна из форм борьбы за признание был источником наиболее кровопролитных конфликтов XX века. Но „либеральная революция“, замещающая иррациональное желание быть признанным выше других якобы рациональным стремлением быть признанным равным другим, то есть разрушающая вертикаль „господин-раб“, что, по мнению американского мыслителя, характерно как для отношений между индивидами, так и для отношений между государствами, вряд

ли является панацеей. „... национализму, – простодушно рассуждает автор *Конца истории*..., – не грозит опасность исчезновения, но он, как и религия, теряет способность стимулировать европейцев рисковать своей уютной жизнью в великих актах империализма“ (Фукуяма 2005: 410).

Парадоксальным образом демократические иллюзии приводят Ф. Фукуяму к апологии политики двойных стандартов (*realpolitik*). Вот всего лишь одна из выдержек: „...мир, построенный из либеральных демократий, должен быть куда меньше подвержен войнам, поскольку все государства взаимно признают легитимность друг друга. И, разумеется, за пару последних столетий накопился достаточный опыт, показывающий, что либеральные демократии не проявляют империалистического поведения по отношению друг к другу, хотя они вполне способны вести войну с государствами, которые демократиями не являются и не разделяют фундаментальных ценностей демократии“ (Фукуяма 2005: 21).

Как известно, научная ценность любой теории не в последнюю очередь определяется её прогностическим потенциалом, способностью на основе описанных фактов и установленных законов предсказывать будущие события. Предлагаем, читателю самому оценить эвристическую значимость концепции Ф. Фукуямы, например, по следующему фрагменту. „... влияние новых националистических конфликтов на мир и безопасность в масштабе Европы и мира будет куда меньше, чем было в 1914 году, когда один сербский националист нажал на спусковой крючок Первой мировой войны, убив наследника австро-венгерского трона. Хотя Югославия дробится... в Европе нет великих держав, заинтересованных в использовании подобных конфликтов для улучшения своего стратегического положения. Напротив, наиболее развитые страны Европы будут как от смоляного чучелка шарахаться от этих противостояний, вмешиваясь лишь в случае вопиющих нарушений прав человека либо угрозы своим гражданам. Югославия, с территории которой началась Великая война, поражена гражданской войной и распадается. Но остальная Европа достигла существенного консенсуса по подходу к урегулированию этой проблемы, а также насчёт необходимости отделить вопрос о Югославии от более серьёзных вопросов европейской безопасности“ (Фукуяма 2005: 412–413).

Одной из наиболее интересных современных версий цивилизационного подхода является геополитическая концепция С. Хантингтона, диаметрально противоположная по своим исходным основаниям и конечным выводам теории Ф. Фукуямы.

Исходный тезис С. Хантингтона гласит, что в современном мире „...культура и различные виды культурной идентификации (которые на самом широком уровне являются идентификацией цивилизации) определяют модели сплочённости, дезинтеграции и конфликта“ (Хантингтон 2003: 15). Из этого суждения вытекают ряд следствий. Прежде всего, модернизация и вестернизация понятия далеко не тождественные. Процесс модернизации, затронувший практически все страны, неразрывно связан с экспортом западных идеалов, ценностей и норм. Однако это далеко не всегда ведёт к тотальной вестернизации не-западных обществ. Зачастую наблюдаются прямо противоположные процессы. Не-западные цивилизации всё активнее и агрессивнее подтверждают ценность своих культур. Говорить о складывании единой общечеловеческой цивилизации построенной на принципах либеральной демократии и свободного

рынка не приходится. Напротив, возникает новый мировой порядок, основанный на цивилизационном родстве. Общества, имеющие культурные сходства не просто сотрудничают друг с другом, а группируются вокруг „стержневых“ стран своих цивилизаций. Практически все попытки изменения их ценностно-нормативных ориентаций оказываются бесплодными.

В мире после „холодной войны“, убеждён С. Хантингтон, глобальная политика стала многополюсной и полицивилизационной. Наблюдается заметное смещение баланса сил между цивилизациями. Запад продолжает доминировать, но его относительное влияние постепенно снижается. Экономическая, военная, а соответственно и политическая мощь азиатских стран наоборот растёт. Именно поэтому универсалистские претензии Запада всё чаще встречают сопротивление, что неминуемо приводит к конфликтам с другими цивилизациями, в особенности с Китаем и исламом.

Об исламе, по С. Хантингтону, необходимо говорить отдельно. Большинство локальных войн по так называемым „линиям разлома“ происходит между мусульманами и не-мусульманами. Разразившийся в исламских странах демографический взрыв имеет дестабилизирующие последствия, как для них самих, так и для их соседей. „У непростых процессов, которые привели к междоцивилизационным войнам в бывшей Югославии, – замечает американский учёный, – было много причин и много отправных точек. Однако вероятно, самым важным фактором были демографические изменения в Косово... коэффициент рождаемости у албанцев был наивысшим в Европе, и Косово стало самым густонаселённым районом Югославии“ (Хантингтон 2003: 422–423).

В современном мире важнейшие различия между людьми культурные, а не идеологические, политические или экономические. На вопрос: „Кто мы есть?“ народы отвечают, обратившись к понятиям, имеющим для них наибольшую важность. Люди определяют себя через происхождение, религию, язык, историю, ценности, обычаи и общественные институты. Они идентифицируют себя с такими культурными группами как этнос, религиозная община, нация и – на самом широком уровне – цивилизация. Не установив своей идентичности, люди не могут вести никакой политики. „Цивилизации, – пишет С. Хантингтон, – это самые большие *мы* внутри которых каждый чувствует себя в культурном плане как дома и отличает себя от всех остальных *них*“» (Хантингтон 2003: 51). Выступая наивысшей культурной общностью людей, цивилизация определяется как объективными элементами (язык, история, религия, обычаи, социальные институты), так и субъективной самоидентификацией.

Не секрет, что каждая цивилизация видит себя центром мира, магистральной линией истории человечества. Особенно это характерно для Запада. Однако такая моноцивилизационная точка зрения, утратила свою значимость в полицивилизационном мире. Выживание Запада связано с отказом от глобалистских претензий и признанием своей цивилизации уникальной (естественно, наряду с признанием уникальности других цивилизаций). В рамках складывающегося мирового порядка речь должна вестись не о культурной, экономической, политической или военной экспансии Запада, а об его объединении перед лицом вызовов не-западных обществ ради сохранения собственной самобытности.

„Основными игроками на поле мировой политики, – согласно С. Хантингтону, – остаются национальные государства. Их поведение, как и в прошлом, определяется

стремлением к могуществу и процветанию, но определяется оно и культурными предпочтениями, общностями и различиями. Наиболее важными группировками государств являются ... семь или восемь основных мировых цивилизаций“ (Хантингтон 2003: 17). Это китайская (синская), японская, индуистская, исламская, западная, православная, латиноамериканская и, возможно, африканская цивилизации. Поскольку в новом мире наиболее масштабные и опасные конфликты происходят не между социальными классами, а между народами с различной культурной идентичностью, локальная политика является политикой этнической или расовой принадлежности; глобальная же политика – политикой цивилизаций.

Межцивилизационный конфликт, по С. Хантингтону, имеет две формы. „На локальном (или микроуровне) возникают *конфликты по линии разлома*... На глобальном, или макроуровне, возникают *конфликты между стержневыми государствами*...“ (Хантингтон 2003: 324). В войнах по линии разлома так или иная этническая группа рассматривает себя не просто как сторону, борющуюся с другой этнической группой, но как сражающуюся с другой цивилизацией. Таким образом, поражение будет иметь последствия не только для самой участницы конфликта, но для всех, кто принадлежит к её цивилизации. Локальная война становится столкновением цивилизаций, чреватых последствиями для огромного числа людей.

Как показывает опыт, в одиночку главные участники не в состоянии остановить локальные войны. Предотвратить их перерастание в глобальное противостояние могут только стержневые страны основных мировых цивилизаций. „Войны вдоль линии разлома, – пишет С. Хантингтон, – закипают снизу, мир по линии разлома просачивается сверху“ (Хантингтон 2003: 492).

События в бывшей Югославии хорошая иллюстрация к сказанному. Балканские войны, считает большинство аналитиков, необходимо рассматривать как религиозные или этнорелигиозные. В этом конфликте Россия, Греция и другие православные страны поддерживали Сербию. Германия, Австрия, Ватикан, другие европейские католические страны, а также США – Хорватию. Иран, Саудовская Аравия, Турция, Ливия и исламские страны вообще – боснийских мусульман. Причём делалось это не столько из политических соображений и экономических интересов, сколько по причине культурного родства. Как иронично заметил С. Хантингтон: „...Балканы снова были „*балканизированы*“ по религиозному признаку“ (Хантингтон 2003: 188).

В заключении хотелось бы привести прогноз сделанный С. Хантингтоном в начале 1996 года относительно развития событий в республиках бывшей Югославии. „Дальнейшее мирное существование албанского мусульманского Косово в пределах славянской православной Сербии под большим вопросом“ (Хантингтон 2003: 208). И ещё. „Войны среди религиозных общин на Балканах, возможно, стихнут и даже на время приостановятся, но, вероятно, ни одна сторона не одержит полную победу, и никакая победа не будет означать конца вражде“ (Хантингтон 2003: 478).

Избежать глобальной войны, по С. Хантингтону, можно лишь в том случае, если лидеры ведущих стран всех цивилизаций примут полицивилизационный характер современной геополитики и начнут сотрудничать для его поддержания.

Библиографический список

- Уэбстер, Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004.
Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ: Ермак, 2005.
Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО „Издательство АСТ“, 2003.

СЕРГЕЈ ИГОРЕВИЧ ЗМИХНОВСКИЈ

КОСОВО: КРАЈ ИСТОРИЈЕ ИЛИ СУКОБ ЦИВИЛИЗАЦИЈЕ

Резиме

У овом раду косовска трагедија се посматра кроз призму савремених западних цивилизацијских концепција и открива њихова једностраност, тенденциозност, неспособност адекватног приказивања реалних глобалних процеса и предвиђања последица ових процеса. Посебно се указује на проблем легалног формирања геополитичких стратегија на основу таквих теорија.

Кључне речи: концепт цивилизације, глобални процес, геополитичке стратегије, сукоб цивилизација, либералне демократије, модернизација, вестернизација, сукоб цивилизација.